

ПРАВО НА ЖИЗНЬ ПРАВО НА СМЕРТЬ

сборник рассказов

выпуск первый

**Лито «EDITA GELSEN»
Международный литературный клуб «ASTRA NOVA»**

СОЗВЕЗДИЕ ЭДИТЫ

2015

Сборником рассказов «Право на жизнь, право на смерть» мы открываем выпуск новой книжной серии «Созвездие Эдиты».

Пожалуй, ни одна тема не волновала так человека с давних времен и по сей день, как смерть. Сколько легенд и мифов основано на противодействии неуклонному старению и умиранию. Сколько сказаний об удивительных людях, кто вернулся с того света или даже покинув бранный мир, все равно мог являться обратно в том или ином обличье. Дальше всех пошли индусы, придумавшие процесс, именуемый на латыни реинкарнацией, – довольно алогичную идею о бесконечных перевоплощениях бессмертной души. Но ведь хоть что-то у человека должно быть неподвластно смерти. Это куда важнее всего прочего, даже того, что царь природы должен разительно отличаться от прочих тварей земных и небесных. Рассказы о рае и аде, о мире мертвых и подготовке к нему – где и когда они только ни встречались и не будут встречаться еще. Египтяне саму жизнь свою основывали на подготовке к переходу в загробный мир, к встрече со вседержителем Осирисом, должествующим исчислить деяния земные и взвесив нетленную частицу человека, его «ка», решить дальнейшую судьбу. И тот, кто правильно ответит на вопросы воскресшего бога, тот сможет возвращаться в собственную мумию, напитываясь ее силой. Но горе тому, чья мумия уничтожена – бесконечные страдания его ка в потустороннем мире не поддаются описаниям.

И пусть современный человек относится скептически к вознесению, воскрешению и возвращению, его тысячелетний страх перед небытием, основанный на культуре любого рода, с тех самых времен, когда человек только-только стал определять себя самого существом разумным, отличным от прочих, – этот страх никуда не делся. Можно уговаривать себя раем, можно верить в реинкарнацию, можно готовиться к вселенскому слиянию с божественной самостью – но боязнь, что все это не более чем сладкая ложь, никуда не пропадает. Ведь кто может поручиться за рассказы древних, или на свидетельства современных очевидцев, с запоем повествующих о запредельном, когда никакого иного доказательства, кроме их путаных описаний, не существует. Ничего из того, что можно потрогать руками, взвесить, осмыслить, во что легко увериться опытным путем. Никто не знает, что ждет нас за порогом, хорошо это или плохо, тоже трудно сказать, а потому истории о том, что такое смерть, верно, до самого скончания рода человеческого, будут пересказываться в самых разных формах.

А теперь к ним добавляются новые – о самой жизни. Прежде, еще пять веков назад, совсем ничто по меркам даже человечества, мы почти ничего не знали о ней, о том, что за дивные дела творятся с момента оп-

лодотворения яйцеклетки и до самого рождения. Как шаг за шагом зародыш развивается, как делятся его клетки, какие метаморфозы на длинном пути он проходит. И когда, да, самое главное, когда считать его, новое скопление клеток, живым, а когда еще нет. Индусты, ну а куда без них, и тут подстраховались в свое время, начав отсчетом даты рождения человека, время за девять месяцев до его появления на свет. Именно тогда и происходит процесс реинкарнации.

И еще один этический вопрос, ставший в последнее время немаловажным, вызывающий множество споров и толкований, вопрос, в одних странах запрещенный даже к толкованию, а в других свободно реализуемый. Тот, что вынесен в заголовок нашего сборника – право на смерть.

Не помня всуе религиозный аспект, поборники и противники ухода из жизни ссылаются и на клятву Гиппократа и на Всеобщую декларацию прав человека: обе стороны по-своему правы, и пока горят споры, имеет ли человек возможность самостоятельного ухода из жизни по причине превращения в субъект жизнедеятельности – эвтаназию, – или врачам возможно вспомоществовать только добровольно и сознательно осмелившимся на этот шаг, то есть на ассоциированное самоубийство под контролем медицины, наши авторы пытаются сами дать ответ и на этот вопрос.

Поэтому сборник разделен на три части, по числу вопросов, заданных в предисловии. Первая, «Род», излагает позиции авторов касательно проблем рождения человека и контроля этого процесса. Вторая, самая большая, «Борьба», посвящена мифологии смерти и попыткам нащупать или разоблачить спасительные мостики, позволяющие человечеству хотя бы в будущем, более-менее реальном, смотреть на акт окончания собственной вселенной немного иначе, под другим углом. С другой точки зрения, быть может, такой же древней, как сам страх перед всепоглощающим ничто, или такой новый, как научные подходы к попыткам продлить земные боли и радости. Третья, «Покой», повествует о способах примирения с той, что рано или поздно придет за всеми нами. Но только один из собранных в ней рассказов страшен, написанный в жанре мистики, остальные же полнятся совсем иными чувствами.

Надеюсь, вы их оцените, и чувства и рассказы; надеюсь так же, что и произведения, собранные в этом выпуске, найдут в вашей душе отклик, посеют зерна сомнений или напротив, укрепят во мнении. Рассчитываем, наш общий труд не пропадет втуне.

Приятного вам прочтения
*Искренне ваш Кирилл Берендеев,
редактор-составитель «Созвездия Эдиты».*

На обложке – фрагмент работы Виктора Васнецова картина "Сирин и Алконост" (1896)

Copyright © 2015 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-945965-12-2
Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo@gmx.de

Printed in Germany

Александра Давыдова

ПРИДУМАТЬ ПОЛУЧШЕ

— Осторожно, трап скользкий! — представитель авиакомпании в кислотно-зелёном жилете — и тот не устоял. Почтительно согнулся, как лакей, стянул с головы шапку, несмотря на метель, и подобострастно заулыбался.

— Благодарю, — мэтр Камю снисходительно кивнул и двинулся вверх, держась за обледенелые перила. Вой самолётного двигателя сливался с ураганом, снег летел такими крупными хлопьями, что казалось — это слепленные лилипутами снежки, которыми целются обидно и больно: в глаза, в уголки рта и даже в ноздри. Но пустяки. Всего двадцать ступенек — и ждет теплое нутро боинга.

Камю рассеянно выслушал приветствия бортпроводниц, пробрался боком на свое место 1F и выпутался из насквозь промокшего пальто. Черный кашемир, шёлковая отстрочка... красиво и до зубовного скрежета бесполезно. Точнее, рассчитано на теплую погожую осень, плюс десять и легкий ветерок, прогуляться не дольше получаса по набережной, взявшись за руки, купить букет цветов и посидеть в кафе. Круассаны, террасы на Монмартре, запах опавших листьев... Или отправиться в Шарль-де-Голль и там чинно проследовать по застеклённому рукаву на свой рейс.

— Мадам и месье, авиакомпания Air France приветствует вас на борту самолета и приносит извинения за задержку рейса в связи с погодными условиями в аэропорту вылета, а также за заминку у трапа самолёта.

Метель, обледенелые полосы и самолётные заторы на поле. Несуразица и невнятица, как обычно в конце пути.

Мэтр довольно усмехнулся в кулак, расстегнул запонки и блаженно вытянул ноги, завернувшись в плед. Спешил насладиться преимуществами бизнес-класса, пока можно.

* * *

— Просим пассажиров пристегнуть ремни, наш борт вошёл в зону турбулентности!

Мэтр взглянул на часы, кивнул и, выбравшись из кресла, быстро пошёл по проходу — через весь самолёт, в хвостовую часть.

— Месье, вы куда? Сядьте и пристегнитесь.

— Мне плохо... очень надо, простите, — ловко проскользнул мимо бортпроводника, хлопнул узкой хлипкой дверью. Самолёт трясло, флакончик с жидким мылом катался по дну раковины. Мэтр не удержался на ногах, тяжело стукнулся боком о стену, болезненно сморщился.

Первый пилот выругался сквозь зубы, пытаясь не дать боингу свалиться в штопор.

Время перекаатило через полночь.

Самолёт выровнялся и, сделав плавный вираж, пошел к востоку.

Из туалета вышел пассажир в мятых джинсах и клетчатой рубашке, на секунду замер, будто забыл, где его место. Потом хлопнул себя по лбу и уселся с краю, в двадцатом ряду, вытянув ноги в проход. Случайно двинул соседа локтем, извинился, достал газету, не сумел ее толком развернуть — тесно. Под статьёй, датированной завтрашним числом, тускнела и расплывалась фотография разбившегося

боинга. Буквы сворачивались в запятые и кляксы и осыпались с бумаги.

Камю украдкой смахнул их на пол, извозив в чернилах рукав, и фыркнул:

— Трагедии захотелось. Как романтично, а?..

Вытащил из кармана молескин с желтоватыми линованными страницами, долго смотрел на фотографию, клеенную на первый лист: мелкие кудри над высоким лбом, лицо сердечком, веснушки и удивлённые, как у ребёнка, глаза. Флёр. Между страницами лежали открытки, записки, даже засушенная ромашка.

— Как романтично... — еще раз пошептал он, пробежал глазами по строчке, выхватив «...любимая, я буду всегда с тобой...», и смял засохший цветок в кулаке.

* * *

— Уточните, пожалуйста, какие услуги входят в договор?

— Основная услуга — поиск идеального партнёра. Вы проходите несколько тестов, и мы подбираем именно того человека, который вам нужен. К примеру, на время отдыха. На неделю или месяц. Представьте: курортный роман без досадных случайностей и ненужных сложностей. Наоборот — тот, о котором вы давно мечтали.

— У контракта жёсткий срок действия? Что, если я захочу продлить его?

— К сожалению, это невозможно. Мы не занимаемся долгосрочными проектами. Сезонный роман — максимум, на что вы можете рассчитывать.

* * *

— Камиль, эй, ты меня слушаешь?

Камиль провел ладонью по лицу, смел снежинки с ресниц и бровей. Кто придумал лежать на снегу — ночью, посреди ледяного городка — и смотреть в небо? Сам же и придумал. Терпи теперь.

— Извини, задумался. Красиво очень. Чёрное небо, и в нем кружатся звезды. Не отличишь — настоящие или ледяные.

— Да-а-а, — Света потянула его за рукав, засопела, устравиваясь поудобнее, положила голову ему на плечо.

— Так что ты говорила?

— Так здорово, что мы дружим. Без всяких этих свиданий, и неловкости, и «не знаю, о чем говорить», и «а вдруг я ему разонравлюсь». Можно всем делиться. Ходить вместе в баню. И в подземелья лазить. И куда-нибудь ещё. Полезем на башню?

— Зимой? — Камиль засмеялся и начал тискать Свету, как плюшевого медвежонка — толстого и смешного, в синем пуховике и лыжных штанах. — Нетерпение или желанье открыть клуб самоубийц?

— Да ну тебя, я ж серьёзно!

— Полезем, ага. Когда снег сойдёт.

* * *

— Быстро, через забор, по одному, — парень из клуба экстремальщиков заметно волновался: подстукивали зубы и мелко дрожала нижняя губа. — Внизу засекут — хана. Сразу берите налево, я там скобы на прошлой неделе вбивал — вроде пока не сняли. Бегом, бегом!

Камиль пропустил Светку вперёд, посадил и, сложив ладонь ковшиком, с минуту глядел вверх — как ловко она перецепляет страховку. Улыбнулся — хотя темно, все равно не разглядит — и проверл пальцами по своей верёвке. Куп-

ленная только вчера в «Спортмастере», сегодня она расплзалась на волокна, будто пожёванная кем-то. Жаль. Он и вправду хотел слазить на башню. Но не в этой жизни.

Он крадучись вернулся к забору, отмахнулся от парня, ставшего на стрёме, и перемахнул наружу. Быстро зашагал прочь, кусая губы. Сам виноват, зачем надо было тот разговор заводить? «А что, если я захочу уйти? Пропасть без объяснений? Не отвечать на звонки и письма? — С чего бы это? — Ну... просто так. Вдруг. — «Вдруг» можно и со стены упасть. Просто сорваться. С чего бы тебе пропадать, а?»

— Случайностей захотелось, — Камиль погладил угол коммуникатора в кармане. Противоударный, с защитой от пыли, почти полукилограммовый кирпич — хоть рацию из него делай, хоть гвозди заколачивай. Универсальная штука. На заставке была Светкина фотография — в криво надетой шапке, в красно-синем свитере с оленями и с улыбкой до ушей. И там же — срединочные смски «Спишь? Ну и дурак! Там такая погода, айда гулять!», фотки дурацких ростовых кукол и нелепых рекламных объявлений, снеговик из смайликов и десятки пирожков про какого-то Олега, который «за все берётся смело».

— Камиль за все берётся смело! — улыбнулся и, размахнувшись, швырнул телефон в островок ноздреватого, серого весеннего снега.

* * *

— *Вы специализируетесь только на любовных отношениях?*

— *Как пожелаете. Любовники, партнёры по бизнесу, друзья. Коллеги по работе, сотоварищи для самых безумных увлечений...*

— *Я правильно понимаю, что если кто-то уже отчаялся найти сообщника для ночной прогулки по склону Этны с связанными глазами, вы мне найдёте такого человека?*

— *Конечно. Без проблем.*

* * *

— Кэм, черт бы тебя побрал, где ты был? — Кэтрин всхлипнула и вытерла глаза уголком фартука. — Мы ждали тебя пораньше. В конце концов, у твоего сына сегодня день рождения!

— Да помню-помню, — он подхватил жену и крутанул ее вокруг себя. Та засмеялась, прижалась к его шее. От Кэтрин пахло вишневым пирогом и ванилью. — Где Сэм?

— Боюсь, уже лёг спать. Знаешь, он даже плакал...

— Значит, придется разбудить! — Кэм прошел через гостиную, остановился около лестницы, закинул голову и зарорал во весь голос. — Эй, Сэмми! Вставай! Угадай, что тебе привёз папка?

— Что, что? — восторженный писк из детской.

— Пойдем вместе в гараж и проверим багажник. Боюсь, я один не дотащу подарок, слишком огромный!

— Машина! Это красная машина, да? Та самая, из...

— И машина, и новый Лего, и куча страшно вредных и вкусных гамбургеров, и пепси, и всё-всё-всё!

— Ё-ё-ё! — завизжал приёмный сын и кубарем скатился вниз по лестнице в одном носке.

* * *

— А почему папа не едет с нами? Он не хочет смотреть на пирамиды?

— Его не отпустили с работы, — Кэтрин улыбнулась через силу. Чтобы скрыть волнение, полезла в сумочку прове-

рять билеты. — Прощайтесь быстрее, нам уже пора на борт.

— А почему мы не летим на самолёте? — Сэм взялся за большой палец Кэма и потянул его к себе. Не хотел без него. — Почему плывем на пароходе? Это же до-о-о-олго.

— Зато ты можешь представить себя мореходом!

— Колумбом?

— Хоть бы и Колумбом. Из иллюминатора самолёта что увидишь? Облака и океан — далеко внизу. А ты будешь смотреть на волны, слушать чаек, бегать по палубе, загорать... Вернёшься почерневший от солнца, как настоящий морской волк.

— И успеет немного тебя забыть, так удобно, — Кэтрин наклонилась к уху Кэма. Хотела было поцеловать, но раздумала — просто подышала ему на ухо. — В машину лучше не садись, поезжай на экспрессе. Я как-то не сдержалась, пожелала...

— Не переживай. Я бы и сам как-нибудь разобрался с этим... Но спасибо за предупреждение!

— Не за что, — она отвернулась, крепко взяла сына за руку и пошла к трапу.

Кэм глядел им вслед, поглаживая бумажник в нагрудном кармане. Там семейная фотография на пикнике, Сэм вымазался в соусе барбекю, размахивает игрушечной лопаткой — вот-вот стукнет маму по уху. И Сэмов рисунок — неровное солнце с разноцветными лучами и подпись корявыми печатными буквами: «3 первым дном лета пап!»

* * *

— *Контракт можно подписывать только для себя?*

— *Нет, вы можете приобрести наши услуги в подарок. Для друзей, родственников...*

— *Можно и для детей?*

— *Конечно. К тому же, для клиентов любого возраста на детскую литературу у нас скидки.*

* * *

— Всё правильно, господин Кам?

— Да, всё верно, — он рассматривал иллюстрации. Влюбленную парочку на берегу Сены, двух дуралеев в пуховиках — изображают «снежных ангелов», мальчик с папой строят игрушечную башню...

— Тогда подпишите — здесь и здесь, рядом с галочками.

Он задумался на несколько секунд. Прикрыл глаза, прокручивая в голове получившиеся книги. По-моему, вышло неплохо.

— Угу, готово.

— Деньги за работу можете получить в центральной бухгалтерии.

— И отпускные?

— Да. Вы ведь отдыхаете всю осень?

— До декабря, верно.

Кам вышел из офиса и зажмурился — на оранжевое осеннее солнце и золотую листву. Пошёл, загребая пыль ботинками, стряхивая с себя придуманных героев из чужих историй — Флёр нужен был романтический возлюбленный, Светке — безбашенный друг, а Сэму — добрый папа, вместо того, который сидел сейчас в тюрьме. Все эти персонажи уже почти до конца истаяли, держались за Кама совсем слабо тонкими призрачными пальцами — и разбившийся в авиакатастрофе Камю, и сорвавшийся со стены башни Камиль, и попавший в аварию на трассе Кэм. У каждой истории бывает конец, что тут поделаешь. Так заведено. За де-

сать лет, которые Кам провел, превращаясь в героев чужих мечтаний, ему ни разу не захотелось остаться там навсегда.

— Ну, и ладно, — пробормотал он. Передёрнул плечами — за них больше никто не держался. На душе было легко и спокойно.

Кам сунул руки в карманы и, насвистывая, пошел домой. Нужно будет посчитать и прикинуть, на сколько хватит заработанных денег. И придумать, наконец придумать на осень нормальный сюжет, без банальщины. Чтобы она — как её будут звать, Джина? Инна? Катрин? — забыла про свою собственную историю и захотела остаться в его истории, навсегда. Главное — придумать получше. Чего уж проще.

Евгения Халь

Илья Халь

ЕСЛИ БЫ НЕ ЗВЕРЬ

— Если бы не зверь, быстрый и яростный, я никогда не познакомился бы с тобой, Рыжая Ведьма. Зверь соединил тебя, меня и мою жену. И если бы не кляп во рту, ты бы сказала, что мы знакомы всю жизнь, но это неправильно, Рыжая. Не жизнь, а жизни...

В одной из них был зверь. И в тот момент, когда его лапы оторвались от земли в прыжке, твоя единственная жизнь распалась на многие в бесконечных мирах, а вместе с ней распалась и моя.

Я никогда не называл тебя донором, только двойником — так легче, так проще...

Что смотришь на меня зелеными колдовскими глазами? В них не меньше ярости, чем в красных звериных. Какого цвета будут эти глаза, когда ты умрешь под моими руками? Я не хочу убивать, но вынужден делать это, потому что только так могу спасти тебя... или ее... мою жену, которая сейчас спит в прозрачной камере анабиоза, как сказочная царевна в хрустальном гробу, и ждет принца. А принц стоит здесь, в операционной, пьет вино и плачет, потому что устал и запутался, и должен убить тебя, Рыжая, чтобы вернуть своей жене то, что отнял зверь там, в лесу, на поляне, залитой солнцем.

Знаешь, Рыжая, в то утро солнце было особенно ласковым, оно играло в прятки с ветром, а безмятежность и нега разлились в лесном воздухе. И этот невыносимый контраст... в такой день... это несправедливо! Для боли и страха есть безлунные ночи и дождливые будни, когда мрачное небо отдается тоскливым предчувствием в сердце. Во тьме и сырости боль и страх закономерны, естественны — ведь они рождены в холоде и мгле. И занимаясь привычными делами в ненастный промозглый полдень, все время подсознательно ждешь, что унылая серость позовет свою верную подругу — беду. Но в тот упоительный день это было неправильно и нелогично.

Это чертово солнечное нескончаемое утро я пережил бесчисленное количество раз во множестве реальностей, а ты... только сегодня, и тебе, наверное, кажется, что это ад. Нет, Рыжая! Ад — это перемещаться по разным мирам, искать и находить тебя, и каждый раз отправляться вместе на пикник в лес, и ждать зверя. Ждать, когда он прыгнет.

В каждом из миров я пытался выдернуть тебя в другую реальность в последний момент, но ничего не получалось. Да, Рыжая, никто, даже Господь Бог, не может отменить

пространственно-временных парадоксов. Знаешь, во всех этих любовных душщипательных фильмах мужчина всегда говорит женщине:

— Если в этой жизни нам не суждено быть вместе, то в следующей нас ничто и никто не разлучит. — Чушь! Если в этой не смогли, то в другой не смогут и подавно!

Я же, напротив, не смог отыскать ни одного мира, в котором не был бы женат на тебе. Удивлена? Думаешь, я пьян? Нет, Рыжая, во всех реальностях я познакомился с тобой в метро за несколько часов до того, как это должен был сделать мой двойник в этой временной нише. Замещаю его собой, я создавал новую — нашу с тобой — личную ветку, которая впиталась в общее дерево миров, то есть как бы замыкал часть пространства-времени на себя, и проживал жизнь двойника вместо него. Хочешь спросить, сколько раз? Не помню.

Толпа притирала нас с тобой друг к другу, и расстаться мы уже не могли, а через месяц женились. Я всегда был хирургом, хотя... почему был? Я и есть хирург, а ты — скрипачка и здесь, и во всех бесконечных реальностях. Может быть, поэтому ты такая чокнутая, может быть, поэтому я так тебя люблю.

Убедившись, что ничего не выходит, я пытался обмануть вероятности: попадая в очередной мир, как ребенок, закрывался в собственном доме, не ездил на метро — да что только не делал! Но все равно становился твоим мужем или любовником. Хочешь вина, Рыжая? Нет? А я выпью.

Мне ничего не оставалось, как обратиться в Совет Хроновероятностей и попросить на тебя лицензию. Они очень неохотно и крайне редко идут на такой шаг, но для меня было сделано исключение. Я когда-то сделал им парочку не совсем легальных операций — хорошие хирурги всегда в цене.

Сначала они пытались уговорить меня вживить жене имплантат из биоактивных нановолокон. Но у настоящих органов, родившихся и выросших вместе с человеком, есть память, а у искусственных нет. И протез — пусть даже идеальный — останется мертвой маской, когда теплый летний дождь грибной свежестью прольется на него. А губы, вымазанные земляничным соком, все равно будут пахнуть лабораторией, пусть даже не в реальности, а в моем воображении.

Потом они попытались убрать зверя, но это невозможно, потому что он — причина, а не следствие. Он — переломный момент, то самое «после», с которого начинается обратный отсчет твоего личного времени. Фактически, зверь это перекресток миров, критическая точка... судьба, если угодно.

И Совет Хроновероятностей дал мне лицензию на изъятие тебя из реальности, но с одним условием: оборвать основные причинно-следственные связи, отсечь все, что может повлиять на вероятное будущее. Уже поняла, о чем я? Вижу по твоим слезам, что поняла. Как холодно и отстраненно это звучит: «оборвать причинно-следственные связи». Ты называла это горше, но человечней: Венец Безбрачия.

Я стал твоим первым разочарованием. Ты, конечно, влюбилась в меня с первого взгляда, что неудивительно: ведь ты любила меня во всех мирах. И, несмотря на разнообразие карточной колоды вероятностей, которую постоянно тасует Вечный Игрок, все-таки существует логос — прозрачная капля вне пространства и внутри него, в которой заключена твоя любовь ко мне. А бесчисленные эманации... какая разница, сколько их?

И когда ты призналась в любви, я притворился, что женщины не интересуют меня. А что еще оставалось? Эта ложь дала мне возможность быть рядом с тобой, присутствовать в твоей жизни в качестве стороннего наблюдателя. Помнишь старую сказку Шварца о Медведе и Волшебнике?

— Мудрецы поднимаются ввысь, на башни, и бросаются вниз ради любви к истине, — так говорил Сказочник. — Солдаты умирают с криком победы на губах ради любви к Родине. А что сделал ты ради любви к женщине?

— Я отказался от нее, — тихо отвечал Медведь.

Так и я отказался от тебя, Рыжая, во имя любви к тебе же... или к своей жене... я уже не знаю... очень устал и запутался в себе и временных парадоксах. Ты и она — один тот же человек, но ты здесь, на операционном столе, а она в камере анабиоза. А я, как всегда, люблю твоими волосами, роскошными рыжими прядями... в них заблудился солнечный свет, как на картинах Боттичелли, и не найдя выхода, остался пленником медовых бликов, янтарных искр.

Тебя и ее зовут Вероникой, но я никогда не называл тебя по имени — теперь понимаешь почему? Имя принадлежит жене, а ты была Рыжей Ведьмой — это легче, не так больно, хотя к боли я привык, приспособился к сухому комку в горле, который мешает дышать. Как там сказал поэт?

И у Гамлета чудная кардиограмма,
Если он умирает четыреста лет.

Бог, как же я устал быть Тобой, и решать, кого казнить, кого миловать! Я даже придумал молитву:

— Господи, дай мне роскошь быть слабым!

Долгие месяцы и годы я неотступно следовал за тобой, Рыжая, и последовательно разлучал тебя со всеми мужчинами, мне ведь поставили условие: оборвать основные причинно-следственные связи. И после каждого расставания ты приходила ко мне, внося в мой тихий дом карнавальность крупных серег и шлейф табачного дыма. Уютно расположившись между холодильником и окном, ты свивала там гнездо, в котором невероятным образом оказывались все необходимые тебе предметы: телефон, сигареты, давно потерянная мной зажигалка, пепельница, заблудившаяся в кухонном шкафу. Даже вечно гуляющий кот немедленно возвращался домой и сворачивался клубком на твоих коленях.

Мне всегда казалось, что хитрые вещи прятались от меня до поры до времени, ожидая хозяйку. И это понятно: ведьме необходимо иметь колдовской арсенал. Ты всегда шла в ногу со временем, поэтому архаичная метла, по-стариковски ворча, уползла в чулан, уступив место современным инструментам: автомобилю, сотовому телефону. А ты, великолепная Рыжая Ведьма, плакала навзрыд в тесной кухне, умудряясь одновременно пить кофе и курить, и, захлебываясь слезами, рассказывала, как поклонялась очередному Темному Господину в образе черного козла, который на поверку оказывался обычным парнокопытным. Спрыгнув с мистического пьедестала, построенного тобой, он мирно возвращался к жене щипать травку в семейной кухне. А я слушал тебя молча, своевременно подавая носовые платки, и думал о том, что когда-нибудь расскажу тебе все.

Расскажу, что неудачи и Венец Безбрачия — это всего лишь выданная на тебя лицензия. И когда ты в очередной раз захлебывалась слезами, пряча лицо в ладонях, и тихонько подвывала, как обиженный щенок, я выходил в коридор и бил кулаком в стену. И чувствовал облегчение, разбивая в кровь костяшки пальцев. Когда идет кровь, всегда стано-

вится легче, потому что кровь — это слезы усталых вен. Вен-измен-перемен... неплохая, несмотря на банальность, рифма, жаль, что я не поэт.

А потом наступил тот самый день, день веселого пикника в лесу. Все было так, как бесчисленное количество раз: друзья позвонили вечером и пригласили меня проветриться, а я пригласил тебя. Ты не хотела ехать, помнишь, Рыжая? Знаешь, моя жена тоже не хотела, словно чувствовала, чем это закончится, а я настаивал. И ее и тебя я чуть ли не силком потащил на пикник. И как только друзья разожгли зверь...

Что вздрагиваешь? Ты ведь не знаешь, что произошло с ней — тебя-то я успел вытащить за мгновение до того, как зубы бешеного амстафа коснулись твоего лица, а ее... никто бы не успел... все случилось слишком быстро. Я понимаю, что для нас не расставляют знаков: «Осторожно, опасность! Будь готов к худшему!» Но что Ему стоило хотя бы намекнуть?

Вероника лишь успела повернуться лицом к псу, услышав рычание за спиной, и в зеленых глазах мелькнуло удивление. Почему в глазах людей, которых смерть или боль застали врасплох, всегда застывает удивление? Я видел это не раз. Не ужас, не страх, а изумление, как будто никто из них не верит, что это может случиться именно с ним. А дальше... ее лицо скрылось под небольшим, но мускулистым телом собаки.

Черт, дрянное вино — оно не позволяет забыть и не радует сердце. Плачешь? Кого ты жалеешь, Рыжая Ведьма, себя или ее?

А потом Веронику положили в камеру анабиоза, и с тех пор моя спящая красавица терпеливо ждет, пока ей вырастят идеальный, почти живой, протез лица.

Но я знаю, как выглядит это «почти»: кукольная гладкость, синтетическая безмятежность. А мне нужно другое: лицо, которое помнит закат, рассвет, снежинки на веках, дорожки соленых слез на щеках. Лицо, освещенное мягким внутренним светом при взгляде на любимого мужчину, на меня. Мне нужно твое лицо, Рыжая!

Я выдернул тебя из твоей реальности для того, чтобы убить. Но я так привык к тебе за все эти годы, как не привык ни к одному двойнику. И ты так похожа на нее... Господи, что я говорю! Вероника похожа на Веронику!

Я уже ничего не знаю и ничего не понимаю... кто лежит передо мной на операционном столе? Кто спит в хрустальном гробу? Даже Бог не может отменить пространственно-временных парадоксов.

— Что сделал ты ради любви к женщине?

— Я отказался от нее...

Так от кого из вас двоих я должен отказаться?

Светлана Васильева
Николай Романецкий

Я БУДУ...

Я знал, что меня должны убить. Это было не удивительно. Желаящих наказать меня подобным образом было как минимум двое.

У одного я увел женщину. Точнее, если говорить правду до конца, — супругу. Олег был моим другом и женился на

моей бывшей девушке. То есть, это они думали, что девушка — бывшая. Я же думал иначе, поскольку любил ее еще с седьмого класса. Одна беда: был я невысоким тщедушным шкетом. При росте в... Впрочем, замнём для ясности. Про таких говорят: метр с кепкой... Все, что я умел, — бренчать в компании на гитаре. Правда, голосом обладал неплохим. Так, по крайней мере, утверждали друзья. Однако в глазах моей любимой это умение являлось невеликим достижением. А конкурент был конкретно спортивным пацаном. Такой непременно должен стать достойной опорой в жизни. И в конце концов стал. Избранниками девушки чаще всего называют именно подобных. И девушек можно понять.

Однако лет через десять, когда я успешно закончил университет и сделался бизнес-аналитиком в одной компании, занимающейся информационными технологиями, все изменилось. Она развелась с Олегом и стала моей женой. А он перестал быть моим другом.

Банальная история... И он... Чёрт, как же его?..

Я почему-то уже не помнил, как его зовут. Моего-то бывшего друга...

Второму я перешел жизненную дорогу в родной компании. Как в таких случаях выражаются, подсел непосредственного начальника. С помощью сплетен принялся создавать вокруг него обстановку ненависти, а когда он, устав бороться с коллегами по работе, ошибся, я сумел очернить его в глазах руководства так, что оступившегося уволили...

На самом деле все было совсем не так. Моего начальника сшиб с занимаемых позиций мой коллега по работе, метивший в мое кресло, но понимавший, что меня убрать не удастся. Оставалось сдвинуть человека вверх по административной лестнице и таким образом освободить себе место. И с помощью тех же сплетен сделать главным виновником в случившемся — меня.

Говорили, что после увольнения мой бывший начальник записал; что, приняв стакан-другой, грозился мне глаз на ж...пу натянуть и телевизор сделать... Правда, так и не собрался.

Что ж, может, ситуация изменилась?

Имени этого человека я тоже не помнил.

Зато хорошо помнил, что через несколько лет я умер. От неизлечимой болезни. От... Впрочем, и на сей раз замнем для ясности.

Перед самой смертью друг, с моей помощью лишившийся жены, пришел навестить умирающего и сказал: «Жаль, Игорек, что ты не увидишь, как она снова вернется ко мне. А она непременно вернется. Тебе же — поделом!»

У меня уже не было сил отвечать. И он понял это, не докатился до торжествующей улыбки. Просто сказал: «Каждому воздастся!» И ушел.

И если он был прав, мне воздалось... Или это у меня паранойя? Болезненная фантазия...

Я обратился вовне.

Вокруг было темно и тихо. Точнее, не совсем тихо — какие-то звуки жили поблизости, но откуда они брались, понять было невозможно. Однако темнота существовала — конкретная и однозначная. И не в том дело, что глаза мои были закрыты. Если есть свет, это поймешь и с закрытыми глазами... А еще было тепло и хорошо. Так хорошо, как не должно быть умершему. Наверное, я все-таки жив... Вот только здоров ли?

Может, крыша съехала?..

А потом до меня донесся голос. Он звучал вовсе не в ушах, а... Я и сам не мог сообразить, откуда он доносился.

Будто голос жил внутри меня, как мое собственное порождение. То ли языка моего, то ли все той же фантазии...

— Ты наказан, — сказал голос равнодушно. — И сам знаешь — за что. Быть тебе уродом! Без правого глаза и правой руки. С заячьей губой и синдромом Дауна. Стоит ли таким жить вообще?

Конечно, таким жить не стоит! В Древней Спарте с подобными поступали решительно — в пропасть, и вся недолга! А в наше время таких надо изымать из материнского лона... Вот только знать бы заранее, кого носит будущая мама!..

А потом я узнал голос. Он был *мой*.

Да, фантазия, судя по всему, пошла вразнос. Ее требовалось немедленно остановить. Хотя бы с помощью старой доброй человеческой логики...

— За что же я наказан? — спросил я. — Разве я совершил преступление? Тогда судите меня. Прокурор, адвокат, свидетели... Десять лет в лагере особого режима.

Голос должен был отозваться на мою тираду смешком. Во всяком случае, я бы усмехнулся, произнося следующие слова...

А слова были такие:

— Наказания без преступления не бывает. Разве ты не знаешь эту истину?

Эту истину я знал. Ее время от времени выдавал телезрителям Глеб Жеглов из фильма...

А вот название фильма я тоже не помнил...

— Вряд ли тебя стоит тянуть дальше. Смерть станет твоим спасением от мучений, которые ты причинишь не только себе.

Я хотел спросить: «А кому еще?», но слов не нашлось...

Если подходить логически, голос был прав: без правого глаза и правой руки, с заячьей губой и синдромом Дауна не стоит жить.

И я спрятался в теплой и доброй темноте.

Потому что мне стало страшно. Конкретно и однозначно...

* * *

— Игорь бы понял...

Этого не надо было говорить — что угодно, только не упоминать имени второго мужа. Олег точно врезался в стену на бегу, тяжело дыша и не в силах вымолвить ни слова.

Да, говорить этого не стоило...

О том, что беременна, Ася узнала три месяца назад. А вскоре выяснилось: у «плода» синдром Дауна, плохо развита правая верхняя конечность — в общем, с абортom посоветовали не тянуть, но...

Сначала она заболела и пришлось пересдавать устаревшие анализы, потом куда-то подевался паспорт. Нашелся через неделю в ящике вместе с другими документами, где смотрели уже, наверно, раз пятьдесят. По дороге они с Олегом попали в аварию, а когда, наконец, добрались до консультации, Ася вдруг поняла, что аборт делать нельзя.

— Сомневаюсь я насчет Игоря, — наконец, через силу выговорил Олег и вдруг сорвался: — И вообще бред! Полный бред! «Препятствия», «под защитой судьбы!» Ты сама хоть соображаешь, что говоришь? Или у тебя с этим ребенком окончательно съехала крыша?! Можешь не воображать, твой драгоценный Игорь...

— Никакой он не мой, и не...

— ...сказал бы то же самое! При всей своей малахольности! — все-таки перекричал Олег и кричал еще долго, припоминая Асе все ее грехи за шесть лет их совместной жизни.